

сверхъестественным видением, т.е. аурой. Другие же его персонажи, мечтающие или которым снится, мерещится "золотой век", такие, как "смешной человек" из повести того же названия, Версилов из "Подростка", Кириллов и Ставрогин из "Бесов", либо отличаются болезненным характером, либо глубокой верой.

Видения наяву, напр., видение Свидригайловым убитой им жены рационализируется им следующим образом: "Привидения — это, т. ск. клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть... ну, а чуть заболел... тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновения с другим миром больше... Я согласен, что привидения являются только больным людям, но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе, как больным, а не то, что их нет, самих по себе". Тут мастерство Достоевского при использовании болезненности своих героев обнаруживается в полной мере: он стирает грань между земной здешней реальностью и болезненными явлениями психики, необычайно расширяя свою палитру художника и усиливая эффект писателя-исследователя человеческих душ. Центр тяжести переносится с описаний сцен болезни, как в "Идиоте", к раскрытию при помощи болезненных явлений психики глубоких моральных и философских проблем. Болен ли Ставрогин, когда он хватается за нос почтенного члена клуба Гаганова и кусает мочку уха губернатора, признаки ли это приближающейся эпилепсии, или это нагнетание деталей для вырисовки психологически-демонического портрета Ставрогина?

Достоевский творил, писал и до припадков и после припадков падучей, иногда после огромной, трудной работы, обычно ночью у него наступал рано утром припадок, наступление которого он предчувствовал, когда еще, не вполне оправившись от последствий припадков, он принимался за писания и рисковал новым припадком. Не писать он не мог, но его неукротимая энергия, его гениальная способность достигнуть совершенства в сочетании глубокой мысли, исключительной впечатляющей формы и художественного мастерства не только торжествовала над его болезнью, но как бы подхлестывалась болезненным состоянием, придававшим порывистость,